

1001 ночь.

Повесть об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар

[Повесть об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар, ночи 153-159](#)

[Повесть об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар, ночи 160-169](#)

Ночь, дополняющая до ста шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница, войдя к Али ибн Беккару, подошла к нему и приветствовала его и заговорила с ним потихоньку, а он клялся и уверял, во время разговора, что не говорил этого, и затем невольница простилась с ним и ушла. А тот человек, друг Абу-аль-Хасана, был ювелир, и когда невольница ушла, он нашел время для разговора и сказал Али ибн Беккару: "Наверное, и нет сомнения в том, что во дворце халифа тебя разыскивают или между тобой и ею есть дело". – "А кто тебя осведомил об этом?" – спросил Али ибн Беккар. И юноша ответил: "Я знаю эту девушку – она невольница Шамс-ан-Нахар. Когда-то давно она приносила мне записку, где было написано, что Шамс-ан-Нахар желает жемчужное ожерелье, и я послал ей ожерелье за дорожную цену".

Услышав эти слова, Али ибн Беккар так взволновался, что все испугались, как бы он не погиб, но потом он оправился и спросил: "О брат мой, ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, откуда ты ее знаешь?" – "Брось приставать с вопросами, – ответил ювелир". Но Али ибн Беккар воскликнул: "Я не отступлю от тебя, пока ты не расскажешь мне правду!" – "Я расскажу тебе, – ответил торговец, – чтобы тебя не взяло подозрение и не поразила бы тебя из-за моих слов тоска. Я не скрою от тебя тайны и изложу тебе все дело по правде, но с условием, что ты мне расскажешь, что с тобой и почему ты болен".

И Али ибн Беккар рассказал ему о себе и прибавил: "Клянусь Аллахом, о брат мой, меня побуждает скрывать мое дело от других только опасение, так как люди срывают покровы друг с друга". И тогда ювелир сказал Али ибн Беккару: "Я хотел с тобой встретиться лишь потому, что сильно люблю тебя и всегда тревожусь о тебе. Мне жалко твое сердце, которое страдает от мучения разлуки, и, может быть, я буду твоим другом взамен моего приятеля Абу-аль-Хасана, пока он в отлучке. Успокой же свою душу и прохлады глаза!"

И Али ибн Беккар поблагодарил его за это и произнес такие два стиха:

"Когда б объявил себя я стойким в разлуке с ним,

Открыли бы ложь мою рыдания и слезы.

И как утаить могу я слезы, текущие

По впадинам щек моих в разлуке с любимым?"

И он помолчал некоторое время, а потом спросил ювелира: "Знаешь ли ты, что сказала мне потихоньку невольница?" – "Клянусь Аллахом, нет, о господин!" – отвечал ювелир. И Али ибн Беккар сказал: "Она утверждает, что я посоветовал Абу-аль-Хасану отправиться в Басру и что я придумал таким образом хитрость, чтобы прекратилась наша переписка и связь. Я клялся ей, что этого не было, но она не поверила мне и ушла к своей госпоже, сохраняя прежнее подозрение, так как она прислушивалась к мнению Абу-аль-Хасана и повиновалась ему". – "О брат мой, – отвечал ювелир, по состоянию невольницы я понял об этом деле и догадался о нем, но если пожелает Аллах великий, я буду тебе помощником в том, что ты хочешь". "А кто может мне помочь, – воскликнул юноша, – и что ты с нею сделаешь, когда она бежит, как зверь в пустыне?" – "Клянусь Аллахом, – сказал ювелир, – я не премину приложить старания, чтобы тебе помочь и придумать, как бы тебе пробраться к ней, без вреда и не снимая завесы с этого дела".

А затем он попросил разрешения удалиться, и Али ибн Беккар сказал ему: "О брат мой, тебе надлежит хранить тайну". И он посмотрел на него и заплакал, а ювелир простился с ним и ушел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят первая ночь

Когда же настала сто шестьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир простился с юношей и ушел, и не знал он, что сделать, чтобы помочь Али ибн Беккару. И он шел, раздумывая, и увидел бумажку, брошенную на дороге. Он взял ее и посмотрел адрес и прочитал его и видит, он гласит: "От младшего влюбленного к старшему любимому". И, развернув бумажку, он увидал, что на ней написаны такие два стиха:

"Пришел посланец ко мне, любовью маня твоей,

Я думал – верней всего, что как-то ошибся он.

И радостен не был я, но стал еще горестней,

Ведь знал я, что мой гонец не выказал разума".

А затем: "Знай, о господин, что я не ведаю причины прекращения переписки между нами, и если ты выказал суровость, то я встречу ее верностью, а если любовь от тебя ушла, то я храню любовь, несмотря на отдаление. Я с тобой такова, как сказал поэт:

Гордись – снесу; будь жесток – стерплю; возносись – склонюсь;

Назначай – приму; говори – я слышу; вели – я раб".

И когда он читал записку, вдруг подошла та невольница, оглядываясь направо и налево, и она увидела бумажку в руках ювелира и воскликнула: "О господин, эту бумажку я уронила". Но он ничего не ответил ей и двинулся вперед, а невольница следовала за ним, пока он не подошел к своему дому.

И он вошел, а невольница вошла за ним и сказала:

"О господин, отдай мне эту записку и верни ее – это у меня она выпала". – "О добрая девушка, – отвечал ювелир, повернувшись к ней, – не бойся и не печалься. Аллах ведь покровитель и любит покровительствовать. Расскажи мне, в чем дело; поистине, я хранитель тайн, но я возьму с тебя клятву, что ты не скроешь от меня ничего о твоей госпоже. Может быть, Аллах поможет мне исполнить ее желания и облегчит трудные дела, пользуясь моею рукой".

И, услышав его слова, девушка сказала: "О господин, не пропадет тайна, которую ты хранишь, и не окончится неудачей дело, если ты стараешься его исполнить. Знай, что мое сердце склонилось к тебе, и я открою тебе мою тайну, а ты отдай мне бумажку". И она рассказала

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ему всю историю и сказала: "Аллах тому, что я говорю, свидетель", а ювелир воскликнул: "Ты права, так как мне известны корни этого дела".

И он рассказал ей историю Али ибн Беккара, и то, как он узнал его тайные мысли, и поведал ей обо всем деле, с начала до конца. И, услышав это, невольница обрадовалась, и они сговорились, что она возьмет записку и отдаст ее Али ибн Беккару, а обо всем, что случится, расскажет ювелиру, вернувшись к нему.

И ювелир отдал бумажку невольнице, которая взяла ее и запечатала, как раньше, и сказала: "Моя госпожа Шамсан-Нахар отдала мне ее запечатанной, а когда Али ибн Беккар прочтает ее и даст мне ответ, я приду к тебе".

Потом невольница простилась с ним и отправилась к Али ибн Беккару, которого она нашла ожидающим. Она отдала ему бумажку, и он прочитал ее и написал ответное письмо, которое отдал девушке, и та взяла его и вернулась к ювелиру.

И ювелир взял письмо и, сломав печать, прочитал его и увидел, что там написаны такие два стиха:

"Послания, что наш гонец всегда у себя хранил,

Исчезли, и сердится гонец наш на нас теперь,

Так выберите гонца от вас ко мне верного,

Умел чтоб правдивым быть, а лгать не умел совсем",

А после: "Я не совершил обмана и не погубил доверенного, не проявил суровости, не оставил верности, не нарушил договора и не прерывал любви. Я не расставался с печалью, и после разлуки нашел себе лишь гибель, и я совсем не знаю, о чем вы говорите, и люблю только то, что вы любите. Клянусь знающим все скрытое и тайну, – я стремлюсь только встретиться с любимым, и мое дело – скрывать страсть, даже если я стану болен от недугов. Вот рассказ о том, каково мне, и конец".

Когда ювелир прочел эту бумажку и понял, что в ней написано, он горько заплакал, а невольница сказала ему: "Не выходи отсюда, пока я не вернусь к тебе: Али ибн Беккар заподозрил меня кое в чем, но это ему простительно. А я хочу свести тебя с моей госпожой Шамсан-Нахар какой бы то ни было хитростью. Я оставила ее лежащей, и она ждет от меня ответа".

Потом невольница ушла к своей госпоже, а ювелир провел ночь со взволнованным сердцем.

Когда же настало утро, он совершил утреннюю молитву и сидел, ожидая ее прихода, и вдруг видит, она приближается, радостная, и входит к нему. "Что нового, о девушка?" – спросил он ее, и она отвечала: "Я ушла от тебя к моей госпоже и отдала ей записку, которую написал Али ибн Беккар, а моя госпожа прочтала записку и, поняв ее смысл, смутилась и не знала, что думать, а я сказала ей: "О госпожа моя, не бойся, что дела, которые между вами, испортятся из-за отсутствия Абу-аль-Хасана. Я нашла кого-то, кто заступит его место, и он лучше его и выше саном и более пригоден для сокрытия тайны". И я рассказала ей, что произошло у тебя с Абу-аль-Хасаном и как ты подладилась к нему и к Али ибн Беккару, и как эта записка у меня выпала и ты наткнулся на нее, и еще я рассказала ей, на чем мы с тобой порешили".

И ювелир удивился до крайности, а невольница сказала ему: "Моя госпожа желает услышать твои речи, чтобы они подтвердили ей, какие обеты вы с Али ибн Беккаром дали друг другу. Собирайся же идти со мной к ней сию же минуту".

Услышав слова невольницы, ювелир увидел, что это будет большая опасность и великое дело, которое нельзя предпринять и начать внезапно, и сказал невольнице: "О сестрица, я из детей простого народа и не таков, как Абу-ль-Хасан, так как Абу-аль-Хасан был высок саном, славен и знаменит и вхож во дворец халифа, где нуждались в его товарах. А что до меня, то Абу-аль-Хасан мне рассказывал, а я дрожал перед ним из-за его рассказа. И если твоя госпожа желает со мной поговорить, то это должно быть не во дворце халифа, а далеко от жилища повелителя правоверных. Мой разум не подчиняется мне, чтобы исполнить то, о чем ты говоришь". И он отказался идти с нею, а невольница ручалась ему за безопасность и говорила: "Не бойся и не страшись беды".

И тогда он решился пойти с нею, но у него подогнулись ноги и задрожали руки, и он воскликнул: "Сохрани Аллах от того, чтобы я пошел с тобой, и у меня нет силы для Этого!" И тогда невольница сказала ему: "Успокой свое сердце! Если тебе тяжело пойти во дворец халифа и ты не можешь отправиться со мною, то я заставляю ее прийти к тебе. Не двигайся же с места, пока я не приду к тебе с нею".

Потом невольница ушла и отсутствовала лишь недолго и возвратилась к ювелиру, и сказала ему: "Берегись, чтобы у тебя не оказалось кого-нибудь из слуг или невольниц". А он отвечал: "У меня нет никого, кроме черной невольницы, старой годами, которая мне прислуживает". И невольница поднялась и заперла дверь, ведшую от ювелира к его служанке, а слуг ювелира она выслала из дому.

Потом она вышла и вернулась, и с ней была девушка, которая шла сзади. Она ввела ее в дом ювелира, и дом стал благоухать от духов. И, увидя ее, ювелир поднялся на ноги и поставил ей скамеечку с подушкой, и девушка села, а он сел напротив нее. И девушка просидела некоторое время, ничего не говоря, пока не отдохнула, а потом она открыла лицо, и ювелиру показалось, что солнце засияло в его жилище. И она спросила свою невольницу "Это тот человек, про которого ты мне говорила?" – "Да", – отвечала невольница. И девушка обернулась к ювелиру и спросила его: "Как ты живешь?" – "Хорошо, в молитвах за твою жизнь и жизнь повелителя правоверных", – отвечал он, и Шамсан-Нахар молвила: "Ты заставил нас прийти к тебе и осведомить тебя о тайнах, которые есть у нас". Затем она спросила его о родных и семье, и ювелир открыл ей все обстоятельства своей жизни и сказал: "У меня есть еще дом, кроме этого дома, который я назначил для встреч с друзьями и братьями, и там нет никого из моих, кроме той служанки, про которую я говорил твоей невольнице".

Потом Шамсан-Нахар принялась его расспрашивать, как он узнал о начале всей истории и о деле Абу-аль-Хасана и почему тот уехал. И ювелир рассказал ей, что пришло Абу-аль-Хасану на ум и побудило его выехать, и Шамсан-Нахар стала вздыхать о разлуке с Абу-аль-Хасаном и сказала: "О такой-то, знай, что души людей сходны в страстях, и одни люди стоят других. Не может исполниться дело без слов, не достигается цель без старания, и достается отдых только после труда..."

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят вторая ночь

Когда же настала сто шестьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамсан-Нахар говорила ювелиру: "Отдых достается лишь после труда, и успех сопутствует только благородным. Теперь я посвятила тебя в наше дело, и в твоей власти сорвать с нас покров, но нет благородства больше твоего. Ты знаешь, что эта невольница хранит мою тайну, и поэтому она занимает у меня большое место. Я избрала ее для важных дел, и пусть не будет для тебя никого выше ее. Осведоми ее о своих делах и будь спокоен – ты в безопасности от того, чего ты боишься из-за нас, и не будешь ты заперт в таком месте, которое бы она тебе не открыла. Она станет приходить к тебе от меня с новостями для Али ибн Беккара, а ты будешь посредником при передаче вестей между нами".

Потом Шамсан-Нахар поднялась (а она едва могла подняться) и пошла. И ювелир шел перед ней, пока она не достигла ворот его дома, а затем он вернулся и сел на свое место, насмотревшись на ее красоту, которая его ошеломила, и услышав ее слова, от которых смутился его ум, и ее образованность и изящество поразили его. И он просидел, раздумывая о свойствах девушки, пока душа его не успокоилась, и тогда он потребовал пищи и поел, чтобы удержать дух в теле, а затем он переменял одежду и, выйдя из дому, направился к юноше Али ибн Беккару.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Он постучал в ворота, и слуги не замедлили встретить его и шли перед ним, пока не привели его к своему господину. И ювелир нашел его лежащим на постели. И, увидя ювелира, Али сказал: "Ты заставил ждать себя и прибавил заботы к моей заботе". А затем он отослал слуг своих и велел запереть двери и сказал ювелиру: "Клянусь Аллахом, о брат мой, я не сомкнул глаз с того дня, как мы с тобою расстались. Невольница приходила вчера ко мне с запечатанной запиской от своей госпожи Шамс-ан-Нахар".

И Али ибн Беккар рассказал ему обо всем, что произошло у него с невольницей, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я растерялся и не знаю, что делать, и мало у меня терпения! Абу-аль-Хасан был мне другом, так как он знал невольницу". Услышав его слова, ювелир засмеялся, и Али ибн Беккар спросил его: "Как можешь ты смеяться моим словам, когда я обрадовался тебе и сделал тебя защитой против превратностей?"

И он принялся вздыхать и плакать и произнес такие стихи:

"Над плачем смеется он моим, увидав меня

Стерпев, что я вытерпел, он сам бы заплакал.

Над любящим сжалится в его испытаниях

Лишь тот, кто, как он, в тоске и долго страдает,

Любовь л печаль, и стон, и мысль, и тоска моя

По милом, что в уголках души обитает.

В душе поселился он и бросить не мог ее

На миг, но как ценно мне его пребыванье!

И друга иного я взамен не хочу его,

И, кроме него, никто мне не был любимым".

Когда ювелир услышал от него такие слова и понял эти нанизанные стихи, он заплакал из-за его плеча и рассказал ему о том, что случилось у него с невольницей и ее госпожой с тех пор, как он ее покинул. И Али ибн Беккар прислушивался к его словам, и при каждом слове, которое он слышал, цвет его лица переходил от бледного к алому, и тело его то становилось сильнее, то ослабевало. А когда ювелир дошел до конца рассказа, Ибн Беккар заплакал и воскликнул: "О брат мой, я, во всяком случае, погибаю! О, если бы мой срок был близок и я избавился бы от этого! Но я прошу у тебя милости – будь мне помощником и успокоителем во всех делах, пока Аллах захочет, чего захочет – я не стану ни словом перечить тебе".

"Ничто не погасит в тебе этого огня, кроме встречи с той, кем ты увлекся, – сказал ювелир, – но это произойдет не в таком опасном месте. Нет, встреча будет у меня, в том помещении, куда приходила невольница и ее госпожа. Это тот дом, который она сама себе выбрала, и я хочу свести вас друг с другом, чтобы вы могли пожаловаться на муки любви, перенесенные вами". – "О господин, – отвечал Али ибн Беккар, – делай что хочешь, награда тебе у Аллаха! Поступай же так, как найдешь правильным, и не затягивай, чтобы я не умер от этих огорчений!"

И я провел у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошел день и не настало утро", – говорил ювелир..."

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят третья ночь

Когда же настала сто шестьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: "И я провел у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошел день, а потом я совершил утреннюю молитву, выйдя от него, направился к себе домой. И я успел просидеть лишь немного, пока пришла невольница. Она приветствовала меня, а я отвечал на ее приветствие и рассказал ей о том, что произошло у меня с Али ибн Беккаром".

"Знай, – сказала невольница, – что халиф уехал от нас и в нашем доме нет никого. В нем будет лучше, и мы будем вернее скрыты". – "Твои слова правильны, но все же тот дом не таков, как этот. Мой дом больше подходит для нас и лучше нас скроет", – сказал я, и невольница отвечала: "Верное мнение – твое мнение! Я иду к моей госпоже, чтобы передать ей твой рассказ и изложить ей то, что ты говоришь".

И она поднялась и ушла и, придя к своей госпоже, изложила ей весь разговор, а потом она воротилась в мое жилище и сказала мне: "Дело вышло так, как ты говорил; приготовь же для нас помещение и ожидай нас". Потом она вынула из-за пазухи мешок с динарами и сказала: "Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе: "Возьми Этот мешок и трать из него на все, что понадобится по обстоятельствам".

И я поклялся, что не возьму ничего из денег, а невольница взяла мешок и вернулась к своей госпоже, и сказала ей: "О госпожа, он не принял денег, но отдал их мне". И госпожа ее ответила: "Не беда!"

А после ухода невольницы, – говорил ювелир, – я поднялся и пошел в свой второй дом и переправил туда всю нужную утварь и роскошные ковры, и перенес в этот дом фарфоровые, стеклянные, серебряные и золотые сосуды. Я приготовил все, что требовалось из еды и питья, и когда невольница пришла и увидела, что я сделал, это ей понравилось, и она велела мне привести Али ибн Беккара. "Его не приведет никто, кроме тебя", – сказал я ей. И она пошла и привела его в превосходнейшем состоянии, и прелесть его была светла.

И я встретил его словами: "Добро пожаловать!" – рассказывал ювелир, и, усадив его на подходящую скамейку, поставил перед ним немного очищенных цветов в фарфоровых и хрустальных сосудах разного цвета. А потом я разостлал перед ним скатерть со всякими кушаньями, вид которых расправляет грудь, и сел с ним разговаривать, чтобы утешить его. Невольница же ушла и отсутствовала до вечера, а после заката солнца она вернулась, и с ней была Шамс-ан-Нахар и две служанки, и больше никого. И когда она увидела Али ибн Беккара и Али ибн Беккар увидел ее, он поднялся на ноги и обнял ее, и она тоже его обняла, и оба упали на землю без сознания и пролежали с час времени.

А очнувшись, они принялись жаловаться друг другу на мученья разлуки и потом сидели и разговаривали, ведя ясные, мягкие и нежные речи, и взяли немного благовоний. И после того они стали благодарить меня за то, что я сделал, и я спросил их: "Не хотите ли чего-нибудь поесть?" – "Хорошо!" отвечали они. И я принес им кушанья, и они ели, пока не насытились, и вымыли руки.

И я перевел их после того в другое помещение и принес им вина, и они выпили и опьянели и наклонились друг к другу. И Шамс-ан-Нахар сказала: "О господин, доверши свою милость – принеси нам лютню или какой-нибудь музыкальный инструмент, чтобы наша радость стала в этот час полной". "На голове и на глазах!" – ответил я и, поднявшись, принес лютню. И Шамс-ан-Нахар взяла ее и настроила, а потом положила лютню на колени и искусно ударила по ней, поднимая в душе огорчения и увеселяя печального. А затем она произнесла такие два стиха:

"Не спал я, как будто бы люблю я бессонницу,

И таю, как будто бы недуг для меня рожден.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Бежит по щеке слеза и жжет, как огнем, ее.

О, если бы знать я мог, расставшись, сойдемся ль мы!"

И затем она принялась петь стихи, так что смутила разум. Пела она восхитительные стихотворения на разные голоса, и дом едва не плясал от великого восторга – такие она проявила чудеса в своем пении. И у нас не осталось ни разума, ни мыслей, и когда мы хорошо уселись и чаши Заходили между нами, невольница затянула напев и произнесла такие стихи:

"Обещал любимый свиданье мне, и исполнил он

В такую ночь, что за ряд ночей сочту я"

О ночь дивная! – даровал нам рок ей подобную,

А доносчики и хулители не знали,

И любимый спал, мой сжимая стан рукой правою,

И от радости обняла его я левой,

И, обняв его, упивалась я его уст вином,

И достался мне и медовый сок и улей!"

И когда мы утопали в море радости, – говорил ювелир, – вдруг вошла к нам, вся дрожа, маленькая служанка, и сказала: "О госпожа, подумай, как тебе уйти: люди окружили нас и настигли, и мы не знаем, какая Этому причина".

Услышав это, я встал испуганный, и вдруг слышу, одна невольница кричит: "Пришла беда!" И стада земля для меня тесна, при всем своем просторе. И я взглянул на ворота, но не нашел там пути. Я подскочил к воротам соседа и спрятался и увидел, что люди вошли в мой дом, и поднялся великий шум.

Я подумал тогда, что весть о нас дошла до халифа и он послал начальника стражи, чтобы схватить нас и привести к нему. И я растерялся и просидел за воротами соседа до полуночи, не имея возможности выйти оттуда, где я был. И поднялся хозяин дома, и увидев меня, испугался и почувствовал из-за меня великий страх. Он вышел из дома и подошел ко мне, держа в руке обнаженный меч, и спросил: "Кто это У нас?" А я ответил ему: "Я твой сосед, ювелир".

И он узнал меня и повернул назад, а потом принес свет и, подойдя ко мне, сказал: "О брат мой, нелегко было мне то, что случилось с тобою сегодня вечером!" "О брат мой, – спросил я его, – осведоми меня, кто был в моем доме и вошел туда и сломал ворота? Я убежал к тебе и не знаю, как было дело". И сосед мой ответил: "Воры, которые забралась вчера к нашим соседям и убили такого-то и забрали его деньги, видели, как ты переносил свои вещи и принес их в этот дом. Они пришли к тебе, взяли то, что у тебя было, и убили твоих гостей".

И мы с моим соседом встали и пошли в мой дом, – говорил ювелир, – и увидели, что дом пуст и в нем ничего не осталось. И я расстроился и воскликнул: "Что до вещей, то я не беспокоюсь об их пропаже, даже если это вещи, которые я одолжил у моих друзей! Не беда: друзья узнают, что я не виноват, так как мое имущество пропало и дом и разграблен. А вот что касается Али ибн Беккара и любимицы повелителя правоверных – я боюсь, что их дело станет известно, и это будет причиной гибели моей души".

И я обернулся к соседу и сказал ему: "Ты мой брат и сосед и покрываешь мой срам – что же ты мне посоветуешь сделать?" – "Вот что я тебе посоветую: выждидай! – сказал этот человек. – Те, что вошли в твой дом и взяли твои деньги, перебили лучший отряд из дворца халифа и отряд людей от начальника стражи, и правительственные стражники ищут их по всем дорогам. Может быть, они их повстречают, и тогда то, что ты хочешь, достанется тебе без труда".

И ювелир, услышав это, вернулся в свой другой дом, где он жил..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят четвертая ночь

Когда же настала сто шестьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир, услышав эти слова, вернулся в свой другой дом, где он жил, и говорил себе: "Со мной случилось то, чего боялся Абу-аль-Хасан. Он вот уехал в Басру, а я попался".

И весть эта распространилась среди людей, и люди стали приходить к нему со всех сторон, и некоторые злорадствовали, а другие оправдывали его и разделяли его горе. И ювелир жаловался им и не ел и не пил, так ему было тяжело.

И вот однажды он сидел и горевал, и вдруг вошел к нему один из его слуг и сказал: "У ворот человек, который Зовет тебя, и я его не знаю".

И ювелир вышел и поздоровался с пришедшим, и оказалось, что этот человек ему незнаком. "У меня с тобой будет разговор", – сказал этот человек. И ювелир ввел его в дом и спросил: "Что у тебя за разговор?" А человек ответил: "Пойдем со мной в твой другой дом". – "А разве ты знаешь мой другой дом?" – спросил ювелир. "Все, что с тобой случилось, мне известно, – отвечал пришедший, – и еще я знаю нечто такое, чем Аллах облегчит твою заботу". И я подумал про себя: "Пойду с ним, куда он хочет".

И мы отправились и пришли к дому, но человек, увидев Этот дом, сказал: "У него нет ни ворот, ни привратника, и в нем нельзя сидеть. Пойдем в другое место". И этот человек ходил с места на место, и я за ним, пока не пришла ночь, и я ни о чем его не спрашивал. И он все шел, и я шел с ним, пока мы не вышли на равнину, и человек говорил мне: "Следуй за мной!" – и ускорил шаги, а я торопился за ним и укреплял свое сердце, чтобы идти.

И мы пришли к реке и сели в лодку, и матрос стал грести и переправил нас на другой берег. И тогда этот человек вышел из лодки, и я вышел за ним. Он взял меня за руку и повел по улице, на которую я в жизни не заходил, и не знал я, в какой она стороне. А затем человек остановился у ворот одного дома, открыл их и, войдя, ввел меня с собою и запер ворота на железный замок. И он провел меня по проходу, и мы вошли к десяти человекам, которые все были, как один, и это были братья.

И мы приветствовали их, – рассказал ювелир, – и они ответили на наш привет и велели нам сесть, и мы сели, а я уже погиб от сильной усталости. Мне принесли розовой воды и обрызгали мне лицо и дали мне выпить вина, а потом мне принесли пищу, и некоторые из этих людей поели со мной вместе, и я подумал: "Если бы в пище было что-нибудь вредное, они не ели бы со мной". А когда мы вымыли руки, каждый вернулся на свое место.

И эти люди спросили меня: "Знаешь ли ты нас?" – "Нет, – ответил я, я в жизни вас не видел, и даже не видел того, кто привел меня к вам, и никогда не видывал я этого места". – "Расскажи нам, что с тобою было, и не лги ни в чем", – сказали они, и я ответил: "Знайте, что мои обстоятельства дивны и дело мое удивительно. Знаете ли вы обо мне что-нибудь?" – "Да, мы те, что взяли прошлой ночью твои вещи, и мы забрали твоего друга и ту, что пела с ним", – сказали они. И я воскликнул: "Да опустит Аллах на вас свой покров! Где мой друг и та, что с ним пела?" И они показали мне рукою в сторону и сказали: "Там, но клянемся Аллахом, о брат наш, их тайна неизвестна никому из нас, кроме тебя, и с тех пор, как мы привели их, мы их не видели до сего времени, и мы не спрашивали их, кто они, так как видели их величие

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и достоинство. А вот тот человек, который помешал нам их убить. Расскажи же нам о них истину и можешь не опасаться за себя и за них".

Услышав эти слова, – говорил ювелир, – я едва не погиб от страха и ужаса и сказал им: "О братья, знайте, что когда великодушие пропадет, оно найдется только у вас, и если у меня будет тайна, распространения которой я буду бояться, ее скроет ваша грудь!" И я стал прибавлять им в этом смысле, а потом я нашел, что поспешить с рассказом будет полезнее и лучше, чем скрывать его, и стал им рассказывать обо всем, что мне выпало, пока не дошел до конца рассказа. И, услышав мою повесть, они спросили: "А тот юноша – Али ибн Беккар, а та девушка – Шамс-ан-Нахар? И я ответил им: "Да".

И им стало тяжело, и они встали и извинились перед нами обоими, а потом они сказали мне: "Часть того, что мы взяли из твоего дома, пропала, а это остаток". И мне отдали большую часть вещей и обязались возратить их на место, ко мне домой, и вернуть мне остальное, и мое сердце успокоилось, но только воры разделились надвое; часть их была за меня, а часть против меня. Потом мы вышли из Этого дома, и вот что было со мною.

Что же касается Али ибн Беккара и Шамс-ан-Нахар, то они были близки к гибели от сильного страха. А затем я пошел к Али ибн Беккару и Шамс-ан-Нахар и поздоровался с ними и сказал им: "Если бы узнать, что случилось с невольницей и двумя прислужницами и куда они ушли!" И оба ответили: "Мы о них ничего не знаем".

И мы продолжали идти, пока не достигли того места, где была лодка, и нас посадили в нее, и вдруг оказывается, это та лодка, в которой мы переехали. И матрос греб до тех пор, пока не доставил нас на другой берег, и нас спустили на сушу, но не успели мы усесться на берегу и отдохнуть, как отовсюду и со всех сторон нас окружили всадники, точно орлы. И тогда те, что были с нами, поспешно вскочили, подобно орлам, и лодка вернулась за ними, и они сошли в нее, и матрос двинулся с ними, и они оказались посреди реки и уехали, а мы остались на суше, на берегу реки, и не могли ни двинуться, ни стоять спокойно. "Откуда вы?" – спросили нас конные, и мы не Знали, что ответить, и тогда, – говорил ювелир, – я сказал им: "Те, кого вы видели с нами, – разбойники. Мы их не знаем, мы – певцы. Они хотели нас схватить, чтобы мы им пели, и мы освободились от них только благодаря обходительности и мягким речам. Они сейчас нас отпустили, и с ними было то, что вы видели".

И всадники посмотрели на Шамс-ан-Нахар и Али ибн Беккара и сказали мне: "Ты не правдив в своих речах, а если ты говоришь правду – расскажи нам, кто вы, откуда, где ваше место и в каком квартале вы живете".

И я не знал, что сказать им, – говорил ювелир, – и тогда Шамс-ан-Нахар вскочила и, подойдя к начальнику конных, потихоньку заговорила с ним, и он сошел со своего коня и, посадив на него девушку, взял коня за узду и повел, а другой сделал то же самое с юношей Али ибн Беккаром и со мною также. И предводитель всадников провел нас до одного места на берегу реки, и тут он закричал на каком-то наречии, и к нему вышла из пустыря толпа людей, и с ними были две лодки.

И предводитель посадил нас в одну из них и сам сел с нами, а его люди сели в другую лодку, и нас везли до тех пор, пока не достигли дворца халифа (а мы боролись со смертью от сильного ужаса). И мы поехали, не останавливаясь, и приехали в одно место, откуда могли попасть к себе, и тогда мы вышли на сушу и пошли, и вместе с нами было несколько конных, которые развлекали нас, пока мы не пришли домой. А когда мы вошли в дом, всадники, бывшие с нами, простились и уехали своей дорогой, а что до нас, то мы вошли к себе и не могли двинуться из дома, и не отличали утра от вечера, и мы были в таком состоянии, пока не настало утро.

Когда же пришел конец дня, Али ибн Беккар упал без памяти, и женщины и мужчины стали плакать по нем, а он лежал неподвижно. И кто-то из его родных пришел ко мне, и меня разбудили и сказали: "Расскажи нам, что с нашим сыном и что значит то состояние, в котором он сейчас!" – "О люди, – сказал я им, – послушайте мои слова..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят пятая ночь

Когда же настала сто шестьдесят пятая ночь" она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир сказал им: "О люди, послушайте мои слова и не делайте со мною дурного! Подождите, он очнется и сам расскажет вам свою историю". И я заговорил с ними сурово и стал их пугать, что осрамлю их. Я когда мы так разговаривали, Али ибн Беккар вдруг зашевелился на постели. И его родные обрадовались, и народ ушел от него (а мне его близкие не дали уйти), и затем ему обрызгали лицо розовой водой, и, когда он очнулся и вдохнул воздух, его принялись спрашивать, что с ним, а он стал рассказывать, но его язык не мог быстро отвечать.

А затем он показал знаком, чтобы меня отпустили домой. И меня отпустили, и я вышел, не веря спасению. Я шел до дому, идя между двух человек, и пришел к своим родным. И, увидав меня в таком виде, они подняли вопли и стали бить себя по лицу, но я сделал им рукой знак: "Молчите!" и они замолчали. А те два человека ушли своей дорогой. И я опрокинулся на постель и проспал остаток ночи, и очнулся лишь ко времени зари, и тогда я увидел, что родные собрались вокруг меня.

"Что с тобой случилось и поразило тебя злом?" – спросили они. А я сказал: "Принесите мне чего-нибудь выпить!" И они принесли мне вина, и я пил его, пока не напился вдоволь, а затем я сказал: "То, что было – было!" И они ушли своей дорогой. А я извинился перед моими друзьями и спросил их, вернулось ли что-нибудь из того, что пропало из моего дома. И они сказали: "Часть возвращена, и случилось это так: пришел какой-то человек и бросил вещи в ворота дома, и мы его не видели".

И я стал утешать свою душу и провел у себя два дня, будучи не в силах выйти из дому, а затем я ободрился и пошел и пришел в баню, чувствуя сильную усталость, и сердце мое было занято мыслями об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар. А я не слышал о них ничего все это время и не мог пробраться в дом Али ибн Беккара, а у себя дома я не имел покоя, так как боялся за самого себя.

Затем я покаялся Аллаху великому в том, что совершил, и прославил его за свое спасение, а спустя некоторое время душа подговорила меня отправиться в ту сторону и через часок вернуться.

И когда я хотел идти, я увидел женщину, которая стояла, и вдруг оказывается, – это невольница Шамс-ан-Нахар! Узнав ее, я пошел и торопился, идя, но она последовала за мною, и меня охватил из-за нее страх. И всякий раз, как я вглядывался в нее, меня брал – испуг, а невольница говорила мне: "Постой, я тебе что-то расскажу!" Но я не обращал на нее внимания. И я дошел до мечети, стоявшей в одном месте, где не было людей, и тогда девушка сказала мне: "Войди в эту мечеть, – я скажу тебе словечко, – и не бойся ничего!"

И она стала заклинать меня, и я вошел в мечеть, а она вошла сзади. Я совершил молитву в два rakata, а потом подошел к девушке, испуская вздохи, и спросил ее: "Что тебе?" А она спросила, что со мною. Я рассказал, что мне выпало, и передал ей, что случилось с Али ибн Беккаром, а потом я спросил ее: "Какие у тебя вести?"

И она сказала: "Знай, что, когда я увидела, как люди сломали ворота твоего дома и вошли, я испугалась их и побоялась, что они от халифа и заберут нас с моей госпожой и мы сейчас же погибнем. И я убежала по крышам вместе с двумя прислужницами, и мы бросились и оказались у каких-то людей. Мы убежали к ним, и они доставили нас во дворец халифа в самом скверном состоянии, а там мы скрыли наше дело и ворочались весь вечер на углях нашего беспокойства, пока не спустилась ночь.

И тогда я открыла дверь к реке и, позвав матроса, который увез нас той ночью, сказала ему: "Мы не знаем, что с нашей госпожой, свези меня в лодке, – я поеду и поищу ее на реке – может быть, я услышу что-нибудь о ней".

И матрос повез меня в челноке и поехал со мною, и я все время ездила по реке, пока не наступила полночь. И я увидела лодку, направляющуюся к той двери, и в ней был человек, который греб, и с ним другой человек, стоявший на ногах, а между ними лежала женщина. И тот человек греб, пока они не достигли берега, и когда женщина вышла, я всмотрелась в нее и вдруг вижу – это Шамс-ан-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Нахар. И я подошла к ней, оторопев от радости, когда увидела ее, после того как пресеклись мои надежды..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят шестая ночь

Когда же настала сто шестьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: "И я оторопела от радости после того, как пресеклись мои надежды. А когда я подошла к ней, она велела мне дать тысячу динаров человеку, который ее привез. И затем я с двумя прислужницами понесла ее, и мы бросили ее на постель. И она провела эту ночь в расстроенном состоянии, а когда наступило утро, я не давала невольницам и евнухам войти к ней и до нее добраться в течение всего дня.

А на другой день она оправилась от того, что с нею было, и я увидела, что она словно вышла из могилы. Я обрызгала ей лицо розовой водой, переменяла одежду и вымыла руки и ноги. Я ухаживала за ней, и заставила ее съесть немного пищи и выпить немного вина, так как у нее не было ни к чему охоты.

Когда же она подышала воздухом и здоровье вернулось к ней, я стала упрекать ее и сказала: "О госпожа, посмотри и сжался над собою! Ты видела, что с нами случилось, и тебе достались затруднения, которых достаточно! Ты ведь была близка к гибели!"

"Клянусь Аллахом, добрая девушка, – сказала она мне, – смерть, по-моему, легче, чем то, что со мною случилось! Я была бы убита, без сомнения. Ведь когда воры вывели нас из дома ювелира, они спросили меня: "Кто ты будешь?" – а я ответила: "Я невольница из певиц", – и они мне поверили. Потом спросили Али ибн Беккара, кто он такой, и он отвечал: "Я из простых людей". И они нас взяли, и мы шли с ними, пока они не привели нас в свое жилище, и мы торопились, идя с ними, так как очень боялись. И приведя нас в свое жилище, они осмотрели меня и увидели, какие на мне одежды, ожерелья и драгоценности, и, заподозрив меня, сказали: "Поистине, таких ожерелий не бывает у какой-нибудь певицы! Будь правдива и скажи нам истину: каково твое ремесло?"

И я ничего им не ответила и сказала в душе: "Теперь они меня убьют из-за моих украшений и драгоценностей!" И я не произнесла ни слова, а разбойники обернулись к Али ибн Беккару и спросили его: "А ты кто будешь и откуда ты – твой вид не таков, как у простых людей". Но он промолчал, и мы скрыли наше положение и стали плакать.

И Аллах смягчил сердца воров, и они спросили нас: "Кто владелец дома, в котором вы были?" – "Его владелец – такой-то ювелир", – сказали мы. И один из воров воскликнул: "Я хорошо знаю его и его дом – он живет во втором своем доме, и я берусь тотчас привести его к вам".

И они сговорились, что поместят меня в одно место, одну, а Али ибн Беккара поместят в другое место, тоже одного, и сказали нам: "Отдыхайте и не бойтесь, что ваше дело раскроется, вы в безопасности".

А потом их товарищ отправился к ювелиру и привел его, и ювелир разъяснил им наше дело, и мы с ним свиделись. И один из воров пригнал для нас лодку, и нас посадили в нее и переправились с нами на другой берег и выбросили нас на сушу и уехали. И приехали конные из ночной стражи и спросили нас: "Кто вы такие?" И я поговорила с начальником конных и сказала ему: "Я Шамс-ан-Нахар, любимица халифа. Я выпила вина и пошла к одной моей знакомой, жене везира, и пришли разбойники и взяли меня и привели в это место, а увидав вас, они бросились бежать. И я могу наградить вас".

И когда начальник конных услышал мои слова, он узнал меня, и, сойдя со своего коня, посадил меня, и то же самое сделал с Али ибн Беккаром и ювелиром. И в сердце моем теперь пылает огонь беспокойства, в особенности из-за ювелира, товарища Али ибн Беккара. Сходи же к нему, передай ему от меня привет и расспроси его про Али ибн Беккара".

И я заговорила с нею и стала ее укорять за то, что она совершила, и предостерегала ее и сказала: "О госпожа, бойся за себя". Но она закричала на меня и рассердилась из-за моих слов. А потом я ушла от нее и пришла к тебе, но не нашла тебя. Я боялась пойти к ибн Беккару и осталась стоять, подстерегая тебя, чтобы спросить о нем, узнать, каково ему. Прошу тебя по твоей милости – возьми у меня сколько-нибудь денег – ты ведь, наверное, занял у твоих друзей вещи, а они у тебя погибли, так что тебе нужно возместить людям за их утварь, которая у тебя пропала".

И я ответил ей: "Слушаю и повинуюсь, ступай!" – рассказывал ювелир, и мы с нею шли, пока не подошли к моему дому. "Постой здесь, пока я не вернусь к тебе", – сказала девушка..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто шестьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала ювелиру: "Постой здесь, пока я не вернусь к тебе", – и ушла, а потом возвратилась с деньгами продолжал ювелир, – и спросила: "О господин, где мы с тобою встретимся?" А я отвечал ей: "Я пойду и сейчас же отправлюсь к себе домой, и ради тебя я придумаю что-нибудь, как тебе свидеться с Али ибн Беккаром, – к нему ведь теперь затруднительно добраться". – "Скажи, в какое место мне прийти?" – спросила девушка. И я ответил ей: "Ко мне домой".

И потом она попрощалась со мною и ушла, а я понес деньги и, принеся их домой, сосчитал их, и оказалось, что денег пять тысяч динаров. Я отдал своим родным из них немного и тем, чьи вещи были за мною, я дал, взамен их, денег.

А потом я поднялся и, взяв с собою моих слуг, отправился к тому дому, из которого пропали вещи. Я привел каменщиков и плотников и строителей, и они сделали дом снова таким же, каким он был, и я поселил там свою невольницу и забыл, что со мною случилось. И затем я пошел и пришел к дому Али ибн Беккара.

И когда я достиг его, ко мне подошли слуги ибн Беккара и сказали: "Наш господин ищет тебя ночью и днем, и он обещал нам, что всякого, кто тебя приведет к нему, он отпустит на волю. И они ходят и разыскивают тебя, но не знают, в каком ты месте. К нашему господину вернулось здоровье, и он то приходит в себя, то впадает в беспамятство, а когда он приходит в сознание, то вспоминает тебя и говорит: "Пусть его непременно приведут ко мне на один миг!" – и опять падает без чувств.

И я отправился к нему со слугой, – говорил ювелир, – и оказалось, что он не в состоянии говорить. И, увидав его, я сел у его изголовья, а он открыл глаза и при виде меня заплакал и воскликнул: "Привет тебе! Добро пожаловать!" Я поддержал его и посадил и прижал к своей груди, а он сказал мне: "Знай, о брат мой, с тех пор как я слег, я не садился. Слава же Аллаху за то, что я увидел тебя!"

И я до тех пор поддерживал его, – говорил ювелир, – пока не поставил на ноги и не заставил пройти несколько шагов.

И он переменял одежду и выпил питье, и все это для того, чтобы успокоилось его сердце. А когда я увидел на нем признаки здоровья, я рассказал ему, что было с невольницей (а меня никто не слышал), и потом я сказал: "Укрепи свой дух и силу, я знаю, что с тобою". И он улыбнулся, а я сказал ему: "Ты найдешь лишь то, что тебя обрадует и исцелит". Затем Али ибн Беккар приказал подать кушанье и, когда его подали, сделал знак своим слугам, и те разошлись, а он сказал мне: "О брат мой, видел ли ты, что меня поразило?" И он извинился передо мною и спросил меня, каково мне было это время. И я рассказал ему о том, что со мною случилось, с начала до конца.

И Али ибн Беккар удивился, а затем он сказал слугам: "Принесите мне то-то и то-то". И ему принесли дорогие подстилки и копры и прочую домашнюю утварь из золота и серебра – больше того, что у меня пропало, и ибн Беккар отдал мне эти вещи, а я отослал их домой.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Я остался у Али ибн Беккара на ночь, а когда заблистало утро, он сказал мне: "Знай, что все имеет конец, и конец любви – смерть или единение, а я ближе к смерти. О, если бы я умер раньше того, что случилось! Ведь если бы Аллах не был к нам милостив, мы были бы посрамлены, и я не знаю, что приведет меня к избавлению от того, что со мною. Если бы не страх перед Аллахом, я бы, наверное, ускорил свою гибель [208]. Знай, о брат мой, я как птица в клетке, и душа моя несомненно погибнет от горестей, но ей назначено определенное время и установленный срок".

И он стал плакать и сетовать и произнес:

"Довольно с влюбленного тех слез, что уж пролиты,

Прогнала печаль давно терпение всякое.

Скрывающий тайное в душе собирал его,

Но око рассеяло все то, что им собрано".

А когда он кончил говорить эти стихи, я сказал ему:

"О господин, знай, что я намереваюсь уйти домой, – быть может, невольница вернется ко мне с вестями". – "В этом нет беды, – сказал Али ибн Беккар, – но только скорее возвращайся и расскажи мне все, – ты видишь, в каком я состоянии".

И я простился с ним, – говорил ювелир, – и ушел к себе домой, и не успел я как следует усесться, как пришла невольница, задыхаясь от слез. "Что с тобой?" – спросил я ее, и она сказала: "О господин, знай: нас постигло то, что постигло, и случилось дело, которого мы боялись. Когда я вчера ушла от тебя, я нашла мою госпожу разгневанной на одну из тех двух прислужниц, которые были с нами в тот вечер, и она велела побить ее, я девушка испугалась и убежала от своей госпожи; она вышла, и ее встретил один из тех, что поставлены сторожить у ворот, и схватил и хотел вернуть ее обратно к ее госпоже, но девушка намекнула ему словами, и сторож обошелся с ней ласково и выспросил, что с ней было. И девушка рассказала ему, что с ними произошло.

И весть об этом дошла до халифа, и он приказал перевести мою госпожу Шамс-ан-Нахар и все, что у нее есть, во дворец и поставить двадцать евнухов сторожить ее. Я с нею до сих пор не видалась и не сообщила ей о причине Этого, и я подозреваю, что все произошло из-за этого случая. Я испугалась за себя и растерялась, о господин, и не знаю, как поступить и как ухитриться в нашем с нею деле. У нее нет никого, кто бы лучше хранил тайну и был ближе к ее сокрытию, чем я. Ступай же, господин, к Али ибн Беккару и расскажи ему об этом..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто шестьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: "У моей госпожи нет никого, кто был бы ей ближе и лучше хранил бы тайну, чем твой господин и отправляйся поскорей к Али ибн Беккару; расскажи ему об этом, чтобы он был готов и остерегся бы. А когда дело раскроется, мы придумаем, как поступить для спасения наших душ".

И меня охватила от этого великая забота, – говорил ювелир, – и бытие мое покрылось мраком из-за слов девушки.

И невольница собралась уходить, и я спросил ее: "Как же поступить, когда в этом деле не осталось времени?" А она сказала мне: "Следует поспешить к Али ибн Беккару, если он твой друг и ты хочешь его спасения. Тебе надлежит поскорее сообщить ему об этом деле и не Затягивать для него срока и не быть на далеком расстоянии, а мне должно позаботиться о том, чтобы разведать новости".

Потом она простилась со мной и вышла. И когда невольница ушла, я поднялся и вышел за ней следом и отправился к Али ибн Беккару. Я увидел, что он тешит свою душу надеждами на единение и развлекается несбыточными мечтами. Увидав, что я быстро вернулся к нему, он воскликнул: "Я вижу, что ты вернулся ко мне сейчас же!" – "Потерпи и брось свои думы! – сказал я ему. – Случилось событие, которое сулит гибель твоей души и имущества".

И когда он услышал эти слова, лицо его изменилось, и он встревожился и воскликнул: "О брат мой, расскажи мне, что произошло!" – "О господин мой, – отвечал я, – знай, что случилось то-то и то-то и ты несомненно погиб, если пробудешь в этом доме до конца дня". И Али ибн Беккар оторопел, и дух едва не покинул его тело, а затем после этого он воскликнул: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! – и спросил: Что мне делать, о брат мой, и каково твое мнение?" – "Мое мнение, – ответил я, – такое: возьми с собою денег, сколько можешь, и тех слуг, которым доверяешь, и пойдём в другие земли раньше, чем кончится сегодняшней день". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал мне Али ибн Беккар.

А потом он вскочил смущенный, не зная, что делать, и то шел, то падал. Он захватил, что мог, попросил прощенья у своих родных, завещал им то, что было ему нужно, и взял с собою трех нагруженных верблюдов, а затем он сел на своего коня, и я сделал то же самое, что сделал он. И мы выехали украдкой, переодетые, и поехали и продолжали ехать весь остальной день и ночь, а когда пришел конец ночи, мы сложили наши тюки, спутали верблюдов и заснули.

И усталость опустилась на нас и заставила нас забыть о самих себе, и вдруг нас окружили воры и взяли все, что с нами было. Они перебили слуг, когда те захотели защитить нас, и оставили нас на месте в сквернейшем виде, после того как забрали наше имущество, угнали всех животных и уехали.

И когда мы с Али ибн Беккаром остались одни, то мы Поднялись и пошли, пока не настало утро, и тогда мы достигли одного города и, войдя в него, направились в мечеть. Мы вошли в нее нагие и просидели в углу мечети весь остальной день, а когда пришла ночь, мы переночевали там, без еды и питья.

И наступило утро, и мы совершили утреннюю молитву и сидели, и вдруг вошел человек и приветствовал нас. Он сотворил молитву в два раката, а затем обернулся к нам и спросил: "О люди, вы чужеземцы?" – "Да, – сказали мы, – и воры преградили нам дорогу и раздели нас" и мы пришли в этот город и не знаем в нем никого, кто бы приютил нас". – "Не хотите ли пойти со мной в мой дом?" – спросил этот человек.

И тогда, – говорил ювелир, – я сказал Али ибн Беккару: "Пойдем с ним – мы спасемся от двух дел: во-первых, мы боимся, что кто-нибудь войдет к нам в эту мечеть и узнает нас, и мы будем посрамлены, а во-вторых, мы люди иноземные и нет нам места, где бы приютиться". – "Делай, что хочешь", – отвечал Али ибн Беккар. А тот человек сказал нам второй раз: "О бедняки, послушайте меня и идите со мной в мой дом!" И я ответил ему: "Слушаю и повинуюсь!"

И этот человек подарил нам кое-что из своей одежды и одел нас, извиняясь перед нами, и был с нами ласков, и мы пошли с ним к его дому. Он постучал в ворота, и вышел маленький евнух и открыл ворота, и этот человек, хозяин дома, вошел, я мы вошли за ним. Потом он велел принести узел, где были платья и тюрбаны, и надел на нас две одежды и дал нам два тюрбана, и мы повязали их и сели.

И вдруг пришла невольница со столиком и, поставив его перед нами, сказала: "Ешьте!" – и мы поели немного и столик убрали. Мы пробыли у этого человека, пока не пришла ночь. И тогда Али ибн Беккар принялся вздыхать и сказал: "Знай, о брат мой, я погиб несомненно, и я хочу завещать тебе нечто. А именно: когда увидишь, что я умер, войди к моей матушке и расскажи ей и вели ей прийти сюда для того, чтобы принимать соболезнования по мне и быть здесь, когда меня будут обмывать. И накажи ей быть стойкой в разлуке со мною".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И потом он упал без памяти, а очнувшись, он услышал, как невольница пела вдали и говорила стихи, и стал прислушиваться, внимая ее голосу, а сам то обмирал, то приходил в себя, то плакал от скорби и печали из-за того, что его постигло. И он услышал, как невольница, которая пела, произнесла такие стихи:

"Поспешила разлука вновь разлучить нас

После дружбы и близости и согласья

Разлучили превратности нас ночные;

Если б знать мне, когда придет наша встреча!

О, как горько за близостью расставанье!

Если б только влюбленный им не терзался!

Горесть смерти – минута лишь, и проходит,

А разлука с любимыми – вечно в сердце.

Коль могли бы добраться мы до разлуки,

То разлука вкусила бы вкус разлуки".

Услышав стихи, произнесенные невольницей, Али ибн Беккар издал вопль, и дух его расстался с его телом.

И когда я увидел, что он умер, – говорил ювелир, – я поручил его заботам хозяина дома и сказал ему: "Знай, я уйду в Багдад передать об этом его матери и близким, чтобы они пошли обрядить его". Потом я пришел в Багдад и, зайдя домой, переменял на себе одежду, а затем я пришел в дом Али ибн Беккара. И когда его слуги увидели меня, они подошли ко мне и стали меня расспрашивать про ибн Беккара, а я попросил их, чтобы они испросили мне разрешение войти к его матери. И она позволила мне войти, и я вошел и приветствовал ее и сказал: "Поистине, Аллах распоряжается душами по своей власти. И когда он решит какое-нибудь дело, некуда убежать от решения его, и не бывало, чтобы умерла душа иначе, как по изволению Аллаха, в срок, установленный в записи".

И мать Али ибн Беккара предположила по этим словам, что ее сын умер, и заплакала сильным плачем, а потом она воскликнула: "Ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, скончался ли мой сын?" И я не мог дать ей ответа из-за плача и великой горести. Увидев, что я в таком состоянии, мать Али ибн Беккара задохнулась от плача и затем упала на землю без памяти. А очнувшись от обморока, она спросила: "Что было с моим сыном?" – и я воскликнул: "Да сделает Аллах великий твою награду за него!"

И потом я рассказал ей, как было с ним дело, от начала до конца. "Поручил ли он тебе что-нибудь?" – спросила его мать, и я ответил ей: "Да", – и рассказал, какое он дал мне поручение. "Поторопись обрядить его", сказал я ей. И когда мать Али ибн Беккара услышала мои слова, она упала без памяти, а очнувшись, она принялась за то, что я наказал ей сделать.

Затем я ушел от нее домой и пошел по дороге, раздумывая о прекрасной юности Али ибн Беккара и его великой любви. И когда я так шел, вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я посмотрел на нее и узнал невольницу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят девятая ночь

Когда же настала сто шестьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: "И вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я всмотрелся в нее и вижу – это невольница, которая приходила от Шамс-ан-Нахар, и она была охвачена скорбью. И мы узнали друг друга и плакали вместе, пока не пришли к тому дому.

И я спросил ее: "Узнала ли ты о том, что с юношей Али ибн Беккаром?" – "Нет, клянусь Аллахом!" – отвечала она. И я рассказал ей, что случилось и как было дело, и мы все время плакали. И потом я спросил ее: "А как поживает твоя госпожа?"

И она отвечала: "Повелитель правоверных не стал слушать ничьих слов о ней, так как он сильно любил ее и ее поступки он толковал прекрасным образом. И халиф сказал ей: "О Шамс-ан-Нахар, ты мне дорога, и я стерплю Это от тебя наперекор твоим врагам", – и велел обставить для нее комнату с вызолоченными стенами и прекрасное помещение. И моя госпожа зажила у него после Этого приятнейшею жизнью, пользуясь великим благоволением. И случилось в один из дней, что халиф сел, как обычно, за питье, и наложницы явились пред лицо его, и он усадил их по местам, и Шамс-ан-Нахар посадил с собою рядом (а у нее пропало терпенье, и страданье ее увеличилось). И халиф приказал одной из невольниц петь, и она взяла лютню, наладила ее и настроила и, ударив по струнам, произнесла такие стихи:

"Зовущий нередко звал к любви, и внимала я,

И слезы чертили страсть чертой на щеке моей.

И кажется, слезы глаз вещают, что чувствуем

Что скрыл я, открыл их ток, скрыв то, что открыть я мог.

Так как же стремиться скрыть любовь и таить ее?

Покажет ведь, что со мной, безмерная страсть моя.

Приятна теперь мне смерть, раз милых лишился я,

Узнать бы, что ныне им приятно, как нет меня!"

И, услышав, как невольница говорит эти стихи, Шамсан-Нахар не могла сидеть и упала без памяти. И халиф кинул кубок и привлек ее к себе и закричал, а невольницы зашумели, и повелитель правоверных стал переворачивать Шамс-ан-Нахар и шевелить ее, и вдруг оказалось, что она мертва.

И повелитель правоверных опечалился из-за ее смерти великой печалью и приказал сломать все бывшие в комнате сосуды и лютни и увеселяющие музыкальные инструменты. А когда Шамс-ан-Нахар умерла, он положил ее к себе на колени и провел подле нее всю остальную ночь.

Когда же взошел день, он обрядил ее и велел ее обмыть и завернуть в саван и похоронить и печалился о ней великой печалью, но не спросил, что с ней было и какое случилось с нею дело".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потом невольница сказала ювелиру: "Прошу тебя, ради Аллаха, извести меня в тот день, когда придёт похоронное шествие Али ибн Беккара, чтобы я могла присутствовать на его погребении". И он отвечал ей: "Что касается меня, то ты меня найдёшь в каком хочешь месте, а вот ты – где я найду тебя и кто может до тебя добраться в том месте, где ты находишься?" И невольница сказала ему: "Когда умерла Шамс-ан-Нахар, повелитель правоверных отпустил её невольниц на свободу, со дня её смерти, и меня тоже, среди них, и мы находимся у её гробницы, в таком-то месте".

И я поднялся, – говорил ювелир, – и пришёл к могиле Шамс-ан-Нахар и посетил её, а потом ушёл своей дорогой и ожидал похорон Али ибн Беккара, пока шествие не прибыло.

И жители Багдада вышли хоронить его, и я вышел с ними и увидел ту невольницу среди женщин, и она горевала сильнее всех. И в Багдаде не было похорон великолепнее этих, и мы шли в большой тесноте, пока не достигли могилы и не закопали его на милость великого Аллаха.

И я не перестаю посещать его могилу и могилу Шамсан-Нахар, – сказал ювелир. – И вот вся повесть о том, что с ними было, да помилует их обоих Аллах!"

Но это не удивительнее повести о царе Шахрамане".

"А как это было?" – спросил Шахразад царь...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.